

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА

Научная статья

Исторические науки

УДК 93/94; 930.25

[https://doi.org/10.56654/ROPI-2023-4\(9\)-58-79](https://doi.org/10.56654/ROPI-2023-4(9)-58-79)

«Лучшие годы жизни». Детство и юность Владимира Даля в фокусе исторического исследования

Анна Сергеевна Манойленко^{1а},

Юрий Евгеньевич Манойленко^{1б}

¹Независимый исследователь, Санкт-Петербург, Российская Федерация

^аanetkir@rambler.ru

^бhistoric2009@mail.ru

Аннотация. В статье на основе широкого круга архивных и опубликованных источников рассматриваются юные годы известного лексикографа, писателя, этнографа и чиновника В.И. Даля. Данный период имеет особое значение для понимания истоков формирования особенностей его личности и мировоззрения, которые он пронес через всю жизнь. Обучение В.И. Даля в Морском кадетском корпусе в Санкт-Петербурге (1815 –1819 годы) анализируется не только с точки зрения содержания образовательного процесса, но и в контексте взаимоотношений со сверстниками и преподавателями. Эти факторы, как представляется, оказали значительное влияние на становление характера и социально-психологические установки, присущие В.И. Далю в последующие годы. Именно в обстоятельствах детства и юности следует искать корни различных поворотов судьбы и карьеры В.И. Даля, а также некоторых сложных ситуаций, складывавшихся между ним и современниками. Ряд аспектов биографии лексикографа и его ближайших родственников исследован впервые.

Ключевые слова: В. И. Даль, И. М. Даль, Морской кадетский корпус, детство, юность, обучение, семья, характер

Для цитирования: Манойленко А.С., Манойленко Ю.Е. «Лучшие годы жизни». Детство и юность Владимира Даля в фокусе исторического исследования. Россия: общество, политика, история. 2023. №4(9). С. 58-79.

HISTORICAL RETROSPECTIVE

Original article

Historical sciences

[https://doi.org/10.56654/ROPI-2023-4\(9\)-58-79](https://doi.org/10.56654/ROPI-2023-4(9)-58-79)

«The Best Years of Life». The Childhood and Youth of Vladimir Dahl in the Focus of Historical Research

Anna S. Manoylenko^{1a},

Yuriy E. Manoylenko^{1b}

¹Independent Researcher, Saint Petersburg, Russian Federation

^aanetkir@rambler.ru

^bhistoric2009@mail.ru

Abstract. The article, based on a wide range of archival and published sources, examines the early years of the famous lexicographer, writer, ethnographer and official V.I. Dahl. This period is of particular importance for understanding the origins of the formation of the characteristics of his personality and worldview, which he carried throughout his life. The training of V.I. Dahl in the Naval Cadet Corps in St. Petersburg (1815 – 1819) is analyzed not only from the point of view of the content of the educational process, but also in the context of relationships with peers and teachers. These factors seem to have had a significant impact on the formation of character and socio-psychological attitudes inherent in V.I. Dahl in subsequent years. It is in the circumstances of childhood and youth that one should look for the roots of various turns of fate and career of V.I. Dahl, as well as some difficult situations that sometimes developed between him and his contemporaries. A number of aspects of the biography of the lexicographer and his immediate relatives have been studied for the first time.

Keywords: V. I. Dahl, I. M. Dahl, Naval Cadet Corps, childhood, youth, training, family, character

For citation: Manoylenko, A.S., Manoylenko, Y.E. «The Best Years of Life». The Childhood and Youth of Vladimir Dahl in the Focus of Historical Research. Russia: Society, Politics, History. 2023. No. 4(9). pp. 58-79.

Введение

Биография Владимира Ивановича Даля (1801 – 1872) – писателя, этнографа, чиновника и лексикографа, как ни парадоксально это прозвучит, по сей день содержит немало белых пятен. Несмотря на широкую известность и узнаваемость имени, с точки зрения исторической науки, жизненный путь В.И. Даля во многом являет собой *terra incognita*. Можно согласиться с утверждением кандидата филологических наук М.В. Арапова: «Биографий Даля много, но все они написаны под копирку, все благостные, все парадные и содержат набор примерно одних и тех же эпизодов» (1, с. 153).

До сих пор главным источником информации и концептуальной основой для жизнеописания В.И. Даля служат оставленные полтора столетия назад «Воспоминания» его младшего друга и ученика П.И. Мельникова-Печерского (17). Среди поистине огромного объема публикаций (6; 24) сложно найти биографические исследования, принадлежащие перу профессиональных историков. Причина этого проста: В.И. Даль – это «вотчина» лингвистов и филологов, которые, в отличие от служителей Клио, воспринимают его, как естественный объект изучения. В результате, конкретно-исторические обстоятельства жизни лексикографа, как правило, исследуются лишь в той мере, в какой это отражает главное для этих специалистов его призвание и дело – сбор слов и составление «Толкового словаря живого великорусского языка».

Все сказанное в полной мере относится к детству и юности В.И. Даля. В существующих исследованиях (3, с. 11-38; 4, с. 11-37; 21, с. 16-33; 22, с. 21-51; 15, с. 89-90; 23, с. 15-16; 20, с. 34-35; 16, с. 10-14; 7, с. 8-10; 19, с. 13-22, 26-30) этот период справедливо оценивается как фундамент для последующей профессиональной и литературно-общественной деятельности, однако упоминаемые при этом эпизоды и интерпретации давно стали шаблонными, а попыток дополнить их новыми деталями и оценками не предпринимается.

Материалы и методы исследования

Этот пробел, в известной мере, призвана компенсировать данная статья. В ней события юных лет лексикографа будут рассмотрены через призму влияния на его дальнейшую жизнь, формирование устойчивых черт личности и складывание основ мировоззренческой позиции. При этом круг используемых авторами источников будет существенно расширен за счет введения в научный оборот новых документальных материалов.

В федеральных и региональных архивах Российской Федерации сохранился значительный пласт документальных источников, которые позволяют обнаружить целый ряд неизвестных аспектов биографии В.И. Даля. Знакомство с «историческим измерением» жизненного пути лексикографа, изучение событий его персональной судьбы в контексте эпохи и социально-политической реальности дает возможность лучше представить особенности его личности и характера и по-новому взглянуть на, казалось бы, хрестоматийные факты.

Подобный подход, как представляется, открывает новые перспективы в исследовании жизни и деятельности В.И. Даля с историко-антропологической точки зрения.

Результаты исследования

Владимир Даль родился 10 ноября 1801 года²⁵ в семье врача датского происхождения, принявшего российское подданство. Сохранилась выписка из метрической книги Немецкого лютеранского прихода Йозефсталь в Новороссийской губернии о его крещении: «29 января 1802 года был окрещен сын врача при Императорском пушечном заводе Луганском, господина доктора Иоанна Христиана Даля, наименованный при Святом Крещении Вольдемар Фердинанд»²⁶.

По совпадению, спустя две недели после рождения В.И. Даля, в столичном Петербурге его родная бабка по материнской линии, 47-летняя коллежская асессорша Мария Фрейтаг, подала всеподданнейшее прошение главной начальнице над воспитательными

25 Здесь и далее даты приводятся по старому (юлианскому) стилю.

26 Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1343. Оп. 20. Д. 241, л. 25.

домами вдовствующей императрице Марии Федоровне о прощении долга, числящегося за ее мужем, дедом будущего лексикографа Христофором Фрейтагом. Задолженность образовалась в 1782 году, когда, будучи бухгалтером Ссудной казны Петербургского воспитательного дома, Х. Фрейтаг «непозволенным образом» присвоил принадлежащие учреждению «золотые, алмазные, жемчужные, меховые вещи, а также товары, кареты и сани» на общую сумму 6928 рублей 61 копейку²⁷. Факт пропажи обнаружился при годовой проверке счетов: к этому моменту Х. Фрейтаг «неизвестным Опекунскому совету образом перешел в службу Императорского шляхетного сухопутного кадетского корпуса экономом»²⁸.

На протяжении двух десятилетий дед В.И. Даля всячески стремился избежать выплаты долга, однако, благодаря настойчивости администрации Воспитательного дома, обращавшейся с запросами во все места его последующей службы, к осени 1801 года возвратил большую часть денег, за исключением 1005 рублей 98 копеек. Их и просила «всемилоостивейше списать» его супруга²⁹. Однако императрица в удовлетворении просьбы отказала, и собственный долг благотворительному учреждению бывший бухгалтер продолжал выплачивать вплоть до полного погашения в 1803 году. Надо отметить, что подобные «проступки» были вполне в духе Христофора Фрейтага. Так, в 1792 году Санкт-Петербургский нижний надворный суд объявлял его в розыск по иску купца Иоганна Вильде о «неотдаче тем Фрейтагом ему, Вильде, за фортепиано принадлежащих денег 1010 рублей»³⁰.

Тем не менее, эти эпизоды нисколько не помешали многолетней служебной деятельности деда В.И. Даля в различных государственных учреждениях, которая протекала вполне благополучно. Например, оказавшись летом 1811 года за штатом Санкт-Петербургской таможни после перехода последней под управление Департамента внешней торговли, уже через несколько месяцев надворный советник Х. Фрейтаг именным указом императора Александра I был причислен к Герольдии при Правительствующем Сенате

27 РГИА. Ф. 758. Оп. 5. Д. 686, л. 4, 79.

28 РГИА. Ф. 758. Оп. 5. Д. 686, л. 77.

29 РГИА. Ф. 758. Оп. 5. Д. 686, л. 75-75 об.

30 РГИА. Ф. 789. Оп. 16. 1792 г. Д. 6, л. 1.

с производством в полном объеме ранее получаемого им жалования – по 500 рублей в год³¹.

Невозможно с точностью сказать, было ли известно В.И. Далю о «подвигах» деда (бабка лексикографа Мария Фрейтаг дожила до 1837 года и имела возможность поведать взрослому внуку что-либо из семейных преданий), однако известную долю умения «держаться на плаву» в любых обстоятельствах он вполне мог от него унаследовать. Как известно, В.И. Даль провел на государственной службе свыше 40 лет, успев побывать морским офицером, военным врачом, чиновником особых поручений, личным секретарем министра внутренних дел, управляющим удельной конторой. Профессиональный путь лексикографа складывался негладко, но, невзирая на различные ситуации, порой случавшиеся с ним (от штрафа за пасквиль на гражданскую супругу командующего Черноморским флотом до высочайшего выговора за литературную публикацию), он смог дослужиться до «генеральского» чина действительного статского советника и в 1861 году вышел в почетную отставку с «мундирным полукафтаном» и пенсией³².

С дедом В.И. Даля связана часто повторяемая легенда: будто бы Христофор Фрейтаг отказывался выдавать свою дочь Юлию за Иоганна Христиана Даля до тех пор, пока последний не овладеет какой-либо «солидной» профессией. Сам лексикограф выбор отцом медицинского поприща объяснял не столь романтически: «Он был богослов, знал древние и новые языки, даже еврейский, и в Петербурге рассудив, что ему нужен хлеб, отправился в Германию, в университет в Йену, и вышел доктором медицины» (9, с. 2246).

Как бы то ни было, весной 1792 года Иоганн Христиан (или, как его называли в России, Иван Матвеевич) Даль сдал экзамены на право «в Российской империи управлять медицинской практикой»³³. После этого он женился на Юлии Христофоровне Фрейтаг, у них родились две дочери – Паулина и Александра.

К моменту появления на свет сына Вольдемара (которого в быту, а впоследствии и во многих официальных документах стали именовать Владимиром), его отец служил старшим лекарем на Луганском литейном

31 РГИА. Ф. 19. Оп. 2. Д. 2634, л. 1.

32 РГИА. Ф. 515. Оп. 6. Д. 4620, л. 3.

33 РГИА. Ф. 1343. Оп. 20. Д. 241, л. 27 об.

заводе, куда поступил по приглашению основателя предприятия – знаменитого шотландского инженера-изобретателя Чарльза Гаскойна (1739 – 1806).

Познакомились они в Петрозаводске, где Ч. Гаскойн управлял Олонецкими горными заводами, а Иван Матвеевич с 1796 по 1798 год имел медицинскую практику. За этот недолгий период доктор И.М. Даль успел зарекомендовать себя хорошим специалистом.

В ноябре 1796 года он оказал неотложную помощь петрозаводскому коменданту Владимиру Бриммеру, испытывшему приступ удушья и «жесточкого колотья в груди и боках»³⁴. После этого Иван Матвеевич засвидетельствовал перед губернскими властями «весьма слабое здоровья положение» своего пациента, по причине которого «он даже и рапортов подписывать не в состоянии», и добился освобождения от исполнения должностных обязанностей впредь до полной поправки³⁵.

С весны следующего года, по поручению Олонецкого приказа общественного призрения, ведавшего благотворительными учреждениями, Иван Матвеевич осуществлял руководство петрозаводской аптекой, принятой от врача Карла Милиуса³⁶. Также, по распоряжению губернского правления, он занимался осмотром и отбором рекрутов, присылаемых на военную службу³⁷.

Способный и добросовестный врач обратил на себя внимание Ч. Гаскойна, занимавшегося подбором кадров для создаваемого «при реке Лугани» литейного завода. Он согласовал перевод в Государственной медицинской коллегии, которая отдала распоряжение «состоящего в Петрозаводске доктора Ивана Даля определить в Луганский завод»³⁸.

Потребность в медицинской помощи на учрежденном тремя годами ранее металлургическом предприятии была чрезвычайно велика. Добывавшие каменный уголь, возводившие заводские постройки, обслуживавшие цеха мастеровые жили и работали в неблагоприятных климатических и бытовых условиях, испытывали трудности с питанием, страдали от эпидемий лихорадки и тифа. Доктор И.М. Даль с энтузиазмом принялся за дело

34 Национальный архив Республики Карелия (НАРК). Ф. 396. Оп. 1. Д. 69, л. 88.

35 НАРК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 69, л. 88.

36 НАРК. Ф. 29. Оп. 1. Д. 18/128, л. 103.

37 НАРК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 69, л. 136.

38 НАРК. Ф. 63. Оп. 3. Д. 101/702, л. 42.

и в мае 1800 года за усердную службу был награжден орденом Св. Анны 2-й степени³⁹.

Семья Ивана Матвеевича поселилась в одноэтажном доме на центральной улице возникшего при Луганском заводе небольшого поселка, среди приглашенных Ч. Гаскойном «английских художников» (механиков, инженеров, технических специалистов). Они составляли местное «благородное общество», а также ближайший круг общения доктора и его жены. В частности, дочь Ч. Гаскойна Елизавета стала восприемницей при крещении новорожденного Владимира Даля (позже она покинула Российскую империю, вышла замуж за члена Британского парламента и со своим крестником больше не встречалась). Крестным отцом будущего лексикографа стал член правления и впоследствии многолетний руководитель Луганского завода Яков Нилус⁴⁰.

Не исполнилось В.И. Дально и четырех лет, как отец получил новое назначение: генерал-штаб-доктор российского флота Иван Рожерс рекомендовал его на должность инспектора Черноморской медицинской управы. Поскольку Луганский завод изготавливал орудия и боеприпасы по заказам Военно-морского ведомства, два доктора постоянно взаимодействовали между собой. Кандидатура Ивана Матвеевича была представлена И. Рожерсом управляющему Морским министерством вице-адмиралу Павлу Чичагову: «Это господин Даль, имевший не только отличные аттестаты, но и лично мне известный, и с которым, по званию своему, я имею переписку, доказывающую его способности»⁴¹.

В марте 1805 года император Александр I утвердил перевод Ивана Матвеевича в Морское ведомство, а спустя семь месяцев он был определен на должность главного доктора и инспектора Черноморского флота. Семья, где уже было четверо детей (старшие сестры В.И. Даля, он сам и младший брат Карл), переехала в Николаев. В описываемый период основанный Г.А. Потемкиным-Таврическим город являлся «морской столицей» Причерноморья: здесь размещалось Черноморское адмиралтейское

39 Общий морской список. Ч. 8. Царствование Александра I. СПб.: Типография Морского министерства, 1894. С. 595.

40 РГИА. Ф. 1343. Оп. 20. Д. 241, л. 25.

41 Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГАВМФ). Ф. 166. Оп. 1. Д. 2084, л. 3 об.

правление и судостроительные верфи, зимовали военные корабли Черноморского флота, а большая часть населения (мастеровые, матросы, служащие, купцы) так или иначе была связана с морем. Здесь состоялось очень важное для будущего лексикографа знакомство.

Командовал флотом в этот период Иван Иванович де Траверсе (1754 – 1831) – французский аристократ, поступивший на русскую службу в царствование Екатерины II, сделавший блестящую карьеру на своей второй родине. Он радушно принял доктора И.М. Дала и его семью, оценил профессиональные качества и служебное рвение и навсегда сохранил дружеское расположение к представителям этой фамилии. В 1809 году И.И. де Траверсе был назначен управляющим Морским министерством. Перебравшись в Санкт-Петербург, он продолжал поддерживать отношения с доктором И.М. Далем, бывавшим в столице по делам службы.

Вероятно, именно И.И. де Траверсе посоветовал Ивану Матвеевичу отправить сыновей-погодков Владимира и Карла в старейшее военноморское учебное заведение Российской империи – Морской кадетский корпус и гарантировал их зачисление. В марте 1812 года И.М. Даль составил всеподданнейшее прошение императору Александру I от имени сыновей: «Ныне нам от роду 11-ть и 9-ть лет, обучены российской, французской и немецкой словесности, математике и рисовать, но в службу Вашего Императорского Величества никуда еще не записаны, а желание имеем определиться в кадеты в Морской кадетский корпус»⁴².

Прохшение было подано директору корпуса вице-адмиралу Петру Карцову, однако поступлению мальчиков помешала начавшаяся летом 1812 года Отечественная война с наполеоновской Францией. В условиях боевых действий, охвативших центральные районы страны, Иван Матвеевич не решился расстаться с сыновьями. В итоге, поступление братьев Даль в «колыбель флота» состоялось лишь в августе 1815 года.

Оба были привезены отцом из Николаева в здание на набережной Васильевского острова, и начались кадетские будни, иногда, впрочем, прерываемые яркими событиями. Так, спустя полгода после зачисления Владимира и Карла, в Морском корпусе произошел пожар, при тушении которого присутствовал сам император Александр I. Самодержец

42 РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 5. Д. 1228, л. 1.

«приметить изволил, что сие происходит от имеющихся худостях в трубах и печах», и распорядился «немедленно все худости осмотреть и исправить со всевозможной прочностью»⁴³.

Обстановка в корпусе на первых порах оказалась не слишком комфортной для будущего лексикографа. «Для Владимира Ивановича переход от домашней жизни в общественное, и притом русское, заведение был еще тяжелее, чем другим, и потому, что его считали немцем, а немцев в корпусах вообще не любили», – вспоминал его друг и однокурсник Дмитрий Завалишин (13, с. 332). По свидетельству П.И. Мельникова-Печерского (несомненно, записанному со слов самого В.И. Даля), во время учебного плавания воспитанников на бриге «Феникс» в 1817 году сопровождавший их корпусной офицер Сергей Ширинский-Шихматов выражал аналогичные суждения: «Хороший ты человек, друг мой Даль, жаль только, что немец!» – говаривал он ему» (17, с. 61)⁴⁴.

Для Вольдемара-Владимира подобное отношение со стороны однокурсников и преподавателей было тем более удивительно, поскольку его отец «при каждом случае напоминал, что мы русские» (8, с. 5). Можно с высокой долей уверенности предположить, что именно в восприятии юного В.И. Даля как чуждого общей среде Морского корпуса «немца» коренятся истоки постоянно подчеркиваемой «русскости», которая будет свойственна лексикографу на протяжении всей последующей жизни. Акцентируя собственную принадлежность к русскому народу и даже «русский» образ мыслей, он, очевидно, стремился компенсировать неприятный опыт, полученный в годы кадетства⁴⁵.

43 РГАВМФ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 2815, л. 1.

44 Об этом факте упоминает и Д.И. Завалишин в биографической статье, опубликованной через месяц после смерти В.И. Даля (12, с. 2).

45 По словам П.И. Мельникова-Печерского, уже в пожилом возрасте на предложение дерптских друзей предоставить «категорический ответ – кто он – русский или немец», В.И. Даль заявил: «Кто на каком языке думает, тот к тому народу и принадлежит. Я думаю по-русски» (17, с. 59). При этом сами немцы, очевидно, считали В.И. Даля своим. В 1873 году профессор Дерптского университета Л. Штида опубликовал на немецком языке краткое жизнеописание лексикографа (25). По сути, оно представляло собой компиляцию «Воспоминаний» П.И. Мельникова-Печерского, с той разницей, что с первых страниц автор возвращал В.И. Далю «истинное» имя Вольдемар Фердинанд и актуализировал его связь с немецкоязычной культурой. Три десятилетия спустя петербургский писатель-искусствовед И.Н. Божерянов выражал горячее возмущение тем фактом, что «ни один университет русский не выразил

Однако молодой человек быстро адаптировался к условиям альма-матер. Своеобразным откликом на косые взгляды стали задиристость, насмешки и подшучивания над товарищами. «Он “задирал”, как выражались, многих и часто; и понятно, что это не могло нравиться и его товарищам, а тем более, тем воспитанникам, которые были старше его; отсюда в корпусе пришлось ему испытывать много неприятностей, и было на него много жалоб», – свидетельствовал Д.И. Завалишин (13, с. 331). Впрочем, формального дисциплинарного взыскания со стороны начальства не последовало, чему В.И. Даль, по словам Д.И. Завалишина, обязан был личному покровительству морского министра И.И. де Траверсе, с детства хорошо знавшего его (13, с. 330-331).

Необычный статус кадета, а затем гардемарина⁴⁶ Владимира Даля являлся секретом Полишинеля для преподавателей и администрации Морского корпуса. Не желая неприятных объяснений с высоким патроном, они предпочитали лишний раз не задевать «привилегированного» юношу (который, к тому же, отличался похвальным прилежанием к учебе) и закрывали глаза на его поведенческие проступки. «Он легко мог подвергнуться наказанию и, может быть, неизбежно подвергся бы ему во всяком другом заведении, где начальники были менее рассудительны, чем в Морском корпусе», – отмечает в этой связи Д.И. Завалишин (13, с. 331).

Покровительство главы Морского ведомства, по всей видимости, послужило основной причиной того, что на протяжении обучения будущего лексикографа ни разу не пороли, хотя, по его собственным словам, в заведении «не было другого исправительного наказания против ошибки, шалости, лени, и даже в случае простой бессмысленной досады любого из числа 25 офицеров» (9, с. 2247-2248)⁴⁷.

своего уважения к монументальному труду, за исключением Дерптского университета, который Далю за русский словарь прислал латинский диплом и немецкую премию, учрежденную какою-то немкой для наград за знаменитые успехи в области языкознания» (5, с. 275).

46 Кадетами называли воспитанников младших классов Морского корпуса, обучавшихся по близким к гимназическим общеобразовательным программам, гардемаринами – учащимся старших классов, занимавшихся специальными морскими и военными науками.

47 Широкое распространение в корпусе телесных наказаний подтверждают в своих воспоминаниях однокурсники В.И. Даля Александр Беляев и Дмитрий Завалишин (2, с. 47; 14, с. 30).

Сам В.И. Даль впоследствии оценил обучение в корпусе, как «замертво убитое время» (8, с. 4), однако оно таковым ни в малой степени не являлось. С одной стороны, он получил качественную и многогранную образовательную подготовку, послужившую фундаментом для дальнейшего развития личности. Так, на выпускных испытаниях в 1819 году В.И. Даль оказался 12-м из 110 экзаменовавшихся «по степени ответов в знании наук»⁴⁸. С другой стороны, можно констатировать, что в этот самый период сформировалась привычка к особому положению, которую лексикограф сохранит навсегда и которая, как представляется, впоследствии приведет его к конфликтным ситуациям с командующим Черноморским флотом вице-адмиралом А.С. Грейгом и нижегородским губернатором А.Н. Муравьевым.

Самые ранние свидетельства этого сохранились в «Дневном журнале», который 15-летний гардемарин Владимир Даль вел во время учебного плавания на бриге «Феникс» по Балтийскому и Северному морям (11). Этому плаванию, имевшему место с мая по сентябрь 1817 года, придавалось важное значение в плане практической подготовки будущих офицеров и расширения их кругозора. Морское министерство организовало его, как ответ на визит шведских гардемарин в Санкт-Петербург, поэтому программа предусматривала посещение «дружественных соседних мест» (Стокгольма, Карлсруны и Копенгагена). По распоряжению И.И. де Траверсе, для него были отобраны 12 лучших воспитанников Морского корпуса, которым предстояло осмотреть «все заслуживающее внимание» (18, с. 40-42)⁴⁹.

В самом начале плавания пребывание В.И. Даля на особом счету у морского министра проявилось в весьма демонстративной форме. В дневниковой записи от 23 мая 1817 года, сделанной на кронштадтском рейде, будущий лексикограф отмечает: «В 1-м часу привалил к нам катер от господина министра военных морских сил и кавалера Ивана Ивановича де Траверсе. Урядник, находящийся на катере, подал Павлу Афанасьевичу⁵⁰ записку, в коей господин министр требовал меня к себе на яхту “Торнео”».

48 РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 1652, л. 39-40 об.

49 В числе участников плавания, помимо В.И. Даля, оказались будущие флотоводец Павел Нахимов, исследователь Антарктиды Павел Новосильский, земский и общественный деятель Александр Рыкачев и другие.

50 Командир брига «Феникс» лейтенант П. А. Дохтуров.

Я тотчас с позволением Сергея Александровича⁵¹ отправился, приставши к яхте, на коей его супруга и еще некто находились; он меня стал кое о чем спрашивать; а потом приказал принести свой рупор, спросил меня: "Под какими парусами идем?"» (11, с. 359).

После своеобразного экзамена в управлении яхтой, министр оставил юношу обедать, а затем отправил обратно на бриг. Отметим, что никто из 11 товарищей В.И. Даля, находившихся с ним в плавании, подобного приглашения не получил. Таким образом, и гардемаринам, и сопровождающим молодых людей офицерам было недвусмысленно продемонстрировано, кто есть кто на борту учебного судна.

Однако уже через несколько месяцев, в июле 1817 года, во время посещения Стокгольма, В.И. Даль неожиданно столкнулся с событием противоположного рода. Российский посол в шведской столице Петр Сухтелен, пользуясь связями при дворе, исходатайствовал гардемаринам представление членам королевской семьи: кронпринцу Карлу Юхану, основателю династии Бернадотов (в недавнем прошлом знаменитому наполеоновскому маршалу), и его сыну Оскару. Оба не проявили к будущему лексикографу интереса. С оттенком неудовольствия он зафиксировал в «Дневном журнале»: «Его высочество кронпринц Карл Иоганн говорил с некоторыми из нас, также и сын его, молодой принц Оскар; но я не имел сей чести» (11, с. 374).

В сделанной через два дня записи о приеме у шведской королевы Гедвиги Елизаветы Шарлотты также сквозит разочарование: «Она весьма хорошо нас приняла и с иными говорила, но я опять не был в числе оных» (11, с. 376). И, наконец, после посещения военно-учебной академии во дворце Карлберг В.И. Даль записывает: «Принц Оскар к нам приблизился и с некоторыми из нас, но не со мной, говорил» (11, с. 377).

В Копенгагене молодого человека ждала своеобразная компенсация: датский наследный принц Кристиан, его супруга Каролина Амалия и 8-летний сын Фредерик уделили ему внимание и «ласково» побеседовали с ним, «как бы с равным себе» (11, с. 384-385). Однако общего впечатления это исправить уже не могло. «Ступив на берег Дании, я на первых же порах окончательно убедился, что Отечество моё Россия, что нет у меня ничего

51 Воспитатель Морского кадетского корпуса князь С.А. Ширинский-Шихматов.

общего с отчизною моих предков», – резюмировал уже в пожилом возрасте лексикограф итоги своего первого знакомства с внешним миром (17, с. 14).

Юношеское плавание на бриге останется единственным примером заграничного путешествия В.И. Даля. Не считая участия в военных действиях на Балканах и в Польше в 1829 – 1831 годах, лексикограф по собственному желанию никогда больше не покинет пределов Российской империи. «Я, по внутреннему убеждению, ненавижу гибельного стремления нынешнего Запада», – заявит он в 1841 году в записке, поданной министру внутренних дел Льву Перовскому (10, с. 184). Не досадные ли происшествия при шведском дворе послужили отправной точкой нелюбви В.И. Даля ко всему иностранному?

В феврале 1819 года Владимир Даль приступил к сдаче экзаменов в числе гардемарин Морского корпуса, окончивших курс учения. В течение 5 дней молодому человеку предстояло продемонстрировать комиссии во главе с директором адмиралом П.К. Карцовым собственные познания в области арифметики, истории, географии, российской грамматики, закона Божьего, геометрии, тригонометрии, геодезии, навигации, астрономии, алгебры, механики, теории морского искусства, физики, корабельной архитектуры, артиллерии и фортификации, а также иностранных языков.

«Даль по-французски, по-немецки и по-англински переводит и говорит очень хорошо», – констатировалось экзаменаторами⁵². Результаты, показанные будущим лексикографом по остальным предметам, также оказались «хорошими» и «очень хорошими»⁵³.

3 марта 1819 года, по высочайшему повелению, В.И. Даль был произведен в первый офицерский чин мичмана. Спустя несколько дней капитан 1-го ранга Иван Сульменев, ветеран морских кампаний против Швеции, Турции и Франции, привел юношу к присяге на «пожалованный чин», а из корпусной суммы ему отпустили на обмундирование 400 рублей «в счет жалованья»⁵⁴.

После этого 17-летний офицер покинул столицу, отправившись в свою «первую поездку по Руси» (9, с. 2250). Путь лежал на юг, к месту назначения свежеепеченного мичмана – в город детства и юности Николаев, где ему предстояло стать офицером 28-го экипажа Черноморского флота. По дороге В.И. Даль начал записывать услышанные незнакомые слова, чем,

52 РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 1652, л. 42 об.

53 РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 1652, л. 50 об.-51.

54 РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 1652, л. 81-83, 88, 89.

как оказалось впоследствии, было положено начало полувековому труду по составлению «Толкового словаря живого великорусского языка».

Выводы

Подводя итоги исследования детских и юношеских лет В.И. Даля, отметим следующее. Детство и юность В.И. Даля, равно как и его родословная, хранят еще немало неизвестных страниц и подробностей его воспитания, образования, первых шагов социализации и карьеры. В рамках данной статьи авторы попытались приоткрыть некоторые из них на основе впервые выявленных в Архивном фонде Российской Федерации документальных источников, а также новой интерпретации мемуарных свидетельств близко знавших его людей. Дальнейшие исследования в этом направлении являются весьма перспективными, поскольку позволяют более детально проследить истоки формирования значимых черт личности и характера будущего лексикографа.

В период обучения в Морском кадетском корпусе были во многом заложены особенности мировоззрения и социально-психологические установки, которые В.И. Даль сохранил в зрелом возрасте. Изучение юных лет жизни дает возможность глубже понять мотивы поступков лексикографа в различных обстоятельствах, неожиданные повороты судьбы и карьеры, а также взаимоотношения с современниками, порой достаточно сложные. Не стоит, на наш взгляд, безоговорочно принимать на веру собственную оценку В.И. Далем этого времени, как бесцельно потерянного.

Рассматривая судьбы ближайших родственников В.И. Даля и его собственную биографию вне устоявшихся схем и стереотипов, можно представить жизненный путь лексикографа не столь одномерным и прямолинейным, как это принято в подавляющем большинстве посвященных ему публикаций. Подобный подход, как представляется, открывает перед исследователями возможность приблизиться к исторической истине.

Список источников

1. Арапов М. В. (2009), «Толковый словарь живого великорусского языка» и его создатель [«Explanatory dictionary of the living Great Russian language» and its creator]. Человек. № 1. С. 153-166.

2. Беляев А. П. (1882), Воспоминания декабриста о пережитом и пережитом [Memories of a Decembrist about what he experienced and felt]. СПб.: Типография А. С. Суворина.
3. Бессараб М. Я. (1968), Владимир Даль [Vladimir Dahl]. М.: «Московский рабочий».
4. Бессараб М. Я. (1972), Владимир Даль. Книга о доблестном гражданине России и великом борце за русский язык [Vladimir Dahl. A book about a valiant citizen of Russia and a great fighter for the Russian language]. М.: «Современник».
5. Божерянов И. Н. (1907), Памяти В. И. Даля (По поводу 40-летия его «Толкового Словаря») [In memory of V. I. Dahl (On the occasion of the 40th anniversary of his «Explanatory Dictionary»)]. Русская старина. Т. 132. № 11. С. 275-281.
6. Горбачева О. Г. (2004), Владимир Иванович Даль: Жизнь и творчество [Vladimir Ivanovich Dahl: Life and Work]. М.: «Пашков Дом». 134 с.
7. Грачев М. А. (2013), «Несносно честный Даль» [«Unbearably honest Dahl»]. Нижний Новгород: «Книги».
8. Грот Я. К. (1873), Воспоминание о В. И. Дале (с извлечениями из его писем) [Memories of V. I. Dahl (with extracts from his letters)]. СПб.: Типография Императорской академии наук.
9. Даль В. И. (1872), Автобиографическая записка [Autobiographical note]. Русский архив. № 11. С. 2246-2250.
10. Даль В. И. (1878), Автобиографическая записка 1841 г. [Autobiographical note of 1841]. Русская старина. Т. 22. № 5. С. 182-184.
11. Даль В. И. (2010), Дневной журнал, веденный на бриге «Феникс» [Daily log kept on the brig «Phoenix»]. В сборнике: Владимир Даль в счастливом доме на Пресне. М.: «Academia». С. 357-391.
12. Завалишин Д. И. (1872), Заметки по поводу некрологов Владимира Ивановича Даля [Notes on the obituaries of Vladimir Ivanovich Dahl]. Московские ведомости. № 267. С. 2-3.
13. Завалишин Д. И. (1904), Некоторые обстоятельства жизни Владимира Ивановича Даля (По поводу статьи «В. И. Даль» (по воспоминаниям его дочери). – «Русский вестник» 1879 года,

- июль) [Some circumstances of the life of Vladimir Ivanovich Dahl (Regarding the article «V. I. Dahl» (according to the memoirs of his daughter). – «Russkiy vestnik» 1879, July)]. Русская старина. Т. 119. № 8. С. 321-339.
14. Завалишин Д. И. (2003), Воспоминания [Memories]. М.: «Захаров».
 15. Костинский Ю. М. (2000), В. И. Даль [V. I. Dahl]. В сборнике: Отечественные лексикографы XVIII – XX века. М.: Наука. С. 84-122.
 16. Матвиевская Г. П., Зубова И. К. (2002), Владимир Иванович Даль, 1801 – 1872 [Vladimir Ivanovich Dahl, 1801 – 1872]. М.: «Наука».
 17. Мельников-Печерский П. И. (2002), Воспоминания о Владимире Ивановиче Дале [Memories about Vladimir Ivanovich Dahl]. В сборнике: В. И. Даль и Общество любителей российской словесности. СПб.: «Златоуст». С. 5-66.
 18. Нахимов П. С. (2003), Документы и материалы [Documents and materials]. Т. 1. СПб.: Издательство «Петербургский институт печати».
 19. Никитин Е. Н. (2021), Русский иностранец Владимир Даль [Russian foreigner Vladimir Dahl]. Нижний Новгород: «ДЕКОМ».
 20. Ольховский Е. Р. (2000), Владимир Иванович Даль [Vladimir Ivanovich Dahl]. В сборнике: Деятели русской науки XIX – XX веков. Вып. 2. СПб.: «Дмитрий Буланин». С. 34-52.
 21. Порудоминский В. И. (1971), Даль [Dahl]. М.: «Молодая гвардия».
 22. Порудоминский В. И. (1985), Жизнь и слово: Даль [Life and word: Dahl]. М.: «Молодая гвардия».
 23. Седов А. В. (2000), Преданный друг А. С. Пушкина [A devoted friend of A. S. Pushkin]. Арзамас: Арзамасский государственный педагогический институт им. А. П. Гайдара.
 24. Юган Н. Л., Тарасов К. Г. (2011), В. И. Даль: Биография и творческое наследие [V. I. Dahl: Biography and creative heritage]. М.: «ФЛИНТА», «Наука». 816 с.
 25. Stieda, L. (1873), Aus dem Leben Dahls [From the life of Dahl]. Dorpat: Druck von C. Mattiefen. 11 s.

References

1. Arapov, M. V. (2009), «Explanatory dictionary of the living Great Russian language» and its creator]. Chelovek. No. 1. pp. 153-166. (In Russian)
2. Belyaev, A. P. (1882), Memories of a Decembrist about what he experienced and felt. Saint-Petersburg: Tipografiya A. S. Suvorina. (In Russian)
3. Bessarab, M. Ya. (1968), Vladimir Dahl. Moscow: Moskovskiy rabochiy. (In Russian)
4. Bessarab, M. Ya. (1972), Vladimir Dahl. A book about a valiant citizen of Russia and a great fighter for the Russian language. Moscow: Sovremennik. (In Russian)
5. Bozheryanov, I. N. (1907), In memory of V. I. Dahl (On the occasion of the 40th anniversary of his «Explanatory Dictionary»). Russkaya starina. Vol. 132. No. 11. pp. 275-281. (In Russian)
6. Gorbacheva, O. G. (2004), Vladimir Ivanovich Dahl: Life and Work. Moscow: Pashkov Dom. 134 p. (In Russian)
7. Grachev, M. A. (2013), «Unbearably honest Dahl». Nizhny Novgorod: Knigi. (In Russian)
8. Grot, Ya. K. (1873), Memories of V. I. Dahl (with extracts from his letters). Saint-Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy akademii nauk. (In Russian)
9. Dahl, V. I. (1872), Autobiographical note. Russkiy arkhiv. No. 11. pp. 2246-2250. (In Russian)
10. Dahl, V. I. (1878), Autobiographical note of 1841. Russkaya starina. Vol. 22. No. 5. pp. 182-184. (In Russian)
11. Dahl, V. I. (2010), Daily log kept on the brig «Phoenix». In the digest: Vladimir Dahl in a happy house on Presnya. Moscow: «Academia». pp. 357-391. (In Russian)
12. Zavalishin, D. I. (1872), Notes on the obituaries of Vladimir Ivanovich Dahl. Moskovskiye vedomosti. No. 267. pp. 2-3. (In Russian)
13. Zavalishin, D. I. (1904), Some circumstances of the life of Vladimir Ivanovich Dahl (Regarding the article «V. I. Dahl» (according to the memoirs of his daughter). – «Russkiy vestnik» 1879, July). Russkaya starina. Vol. 119. No. 8. pp. 321-339. (In Russian)

14. Zavalishin, D. I. (2003), *Memories*. Moscow: Zakharov. (In Russian)
15. Kostinsky, Yu. M. (2000), V. I. Dahl. In the digest: Domestic lexicographers of the 18th – 20th centuries. Moscow: Nauka. pp. 84-122. (In Russian)
16. Matvievskaya, G. P., Zubova, I. K. (2002), Vladimir Ivanovich Dahl, 1801 – 1872. Moscow: Nauka. (In Russian)
17. Melnikov-Pechersky, P. I. (2002), *Memories about Vladimir Ivanovich Dahl*. In the digest: V. I. Dahl and the Society of Lovers of Russian Literature. Saint-Petersburg: Zlatoust. pp. 5-66. (In Russian)
18. Nakhimov, P. S. (2003), *Documents and materials*. Vol. 1. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo «Peterburgskiy institut pechati». (In Russian)
19. Nikitin, Ye. N. (2021), Russian foreigner Vladimir Dahl. Nizhny Novgorod: DECOM. (In Russian)
20. Olkhovsky, Ye. R. (2000), Vladimir Ivanovich Dahl. In the digest: Figures of Russian science of the 19th – 20th centuries. I. 2. Saint-Petersburg: Dmitriy Bulanin. pp. 34-52. (In Russian)
21. Porudominsky, V. I. (1971), Dahl. Moscow: Molodaya gvardiya. (In Russian)
22. Porudominsky, V. I. (1985), *Life and word: Dahl*. Moscow: Molodaya gvardiya. (In Russian)
23. Sedov, A.V. (2000), A devoted friend of A. S. Pushkin. Arzamas: Arzamasskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy institut im. A. P. Gaydara. (In Russian)
24. Yugan, N. L., Tarasov, K. G. (2011), V. I. Dahl: Biography and creative heritage. Moscow: FLINTA, Nauka. 816 p. (In Russian)
25. Stieda, L. (1873), *Aus dem Leben Dahls*. Dorpat: Print by C. Mattiefen. 11 p. (In German).

Информация об авторах

МАНОЙЛЕНКО Анна Сергеевна, магистр социально-экономического образования, независимый исследователь, Санкт-Петербург, Российская Федерация. E-mail: anetkir@rambler.ru.

МАНОЙЛЕНКО Юрий Евгеньевич, кандидат исторических наук, независимый исследователь, Санкт-Петербург, Российская Федерация. E-mail: historic2009@mail.ru.

Вклад авторов

Все авторы сделали равный вклад в эту статью.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 05.12.2023. Одобрена после рецензирования: 20.12.2023. Принята к публикации: 29.12.2023. Опубликовано: 15.01.2024.

Информация о рецензировании

«Россия: общество, политика, история» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за вклад в рецензирование данной работы.

About the authors

Anna S. MANOYLENKO, Master of Social and Economic Education, Independent Researcher, Saint Petersburg, Russian Federation. E-mail: anetkir@rambler.ru.

Yuriy E. MANOYLENKO, CandSc (Hist.), Independent Researcher, Saint Petersburg, Russian Federation. E-mail: historic2009@mail.ru.

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Article info

Submitted: 05.12.2023. Approved after peer review: 20.12.2023. Accepted for publication: 29.12.2023. Published: 15.01.2024.

Peer review info

«Russia: Society, Politics, History» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.